

18+

Елена Мартиросян

Краски любви

Проект «Элеонора»

Елена Мартиросян

Краски любви. Проект «Элеонора»

«Издательские решения»

Мартиросян Е.

Краски любви. Проект «Элеонора» / Е. Мартиросян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689314-6

Данная книга — учебник по морали и ценностям семьи, написанный художественным языком. В нем вложена информация, которую сможет увидеть видящий и понимающий человек. Жизнь человека — череда спланированных случайностей — набор лучей, которые готовились заблаговременно. Научившись видеть эти лучи, можно научиться управлять жизнью.

ISBN 978-5-00-689314-6

© Мартиросян Е.
© Издательские решения

Содержание

Краски любви	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Краски любви Проект «Элеонора»

Елена Мартиросян

© Елена Мартиросян, 2026

ISBN 978-5-0068-9314-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краски любви

Был будний день. Стоял погожий осенний денек. Солнце уже отсветило свое в зените и плавно покатилося к линии горизонта. Бродяга ветер сегодня умерил свой пыл и лениво шуршал опавшей листвой. На набережной было удивительно немногочленно.

Видимо, обыватели не доверились теплым лучам обманчивого октябрьского солнца и не вышли на променады. Провинциальный городок в одном из уголков необъятной России жил своей неторопливой жизнью.

Артем не спеша шел вдоль набережной, поддевая ногой опавшую листву. Та как-то вкусно шуршала и радовала слух, отчего Артему хотелось найти где листвы побольше и перевернуть. Но набережная тщательно убиралась скрупулезными дворниками и на брусчатке было лишь то, что падало за день со скурых на пожелтевшую листву лип.

В свои двадцать пять лет Артем был уже владельцем динамично развивающейся компании по производству мебели из массива. Они только-только вышли на зарубежный рынок и Артему предстояло принятие серьезного решения о расширении производства, а лучше сразу о его переносе в Москву. Перспективы были хорошие, если бы не одно но: Артему очень нравился его родной город и он хотел развивать его, давать рабочие места местным жителям, а не расширять бездонную прорву Москвы. Однако, его зарубежные партнеры настаивали на переносе производства в столицу из логистических соображений.

Именно из-за этого решения Артем повздорил со своей девушкой Машей. Маша настаивала на переезде и не хотела слышать никаких доводов Артема. Ей это казалось несусветной глупостью – любить какой-то захолустный город настолько, чтобы отказываться от перспектив переехать в Москву, а потом, возможно, и в Европу. От мыслей о Европе у Артема отчего-то перекашивалось лицо. Нет, поехать покататься по европейским городам в период отпуска – это он с удовольствием. Но предать свою родину ради чужой страны. Нет. Этого Артем никак не мог принять.

Маша фыркнула и ушла, хлопнув дверью. Артем же вышел из квартиры, сел в машину и поехал в свое любимое место – на набережную. Это было его своеобразное место силы. Там он находил ответы на любые вопросы. Надеялся, что и сегодня его посетит озарение и он найдет ответ на вопрос: как быть в такой простой и одновременно сложной ситуации. Как поступить: по зову сердца или по логике и разуму.

Молодой человек вышел к месту, где набережная переходила в площадь, которую обрамляли аллеи. Деревьев здесь было значительно больше, но они росли на газонах, а выходить на траву Артему не хотелось. Он остановился и принялся оглядываться, принимая решение о дальнейшем своем пути.

Внезапно внимание Артема привлекла хрупкая фигурка девушки, что сидела на лавочке ближе всего к набережной. Даже привлекла больше не девушка, а мольберт, что стоял перед ней. Девушка сидела спиной к Артему и молодой человек видел миниатюрную копию набережной, отраженную в рисунке. Было очень реалистично и красиво. Ноги сами понесли к скамейке, на которой сидела девушка.

Когда Артем подошел, она уже вытирала кисти какой-то тряпочкой и аккуратно складывала в футляр даже не глядя на него. Казалось, что взгляд девушки был неотрывно прикован к реке и к тому дальнему берегу.

- Присаживайтесь, – внезапно прозвучал ее мелодичный голос, – Вы мне не мешаете.
- От неожиданности Артем даже вздрогнул.
- Спасибо, – ответил он, опускаясь на скамейку.

Теперь он мог видеть профиль лица девушки с очень красивыми и правильными чертами. Кудрявая русая прядь непослушно выбивалась из-за ушка, на мочке которого красовалась изящная сережка с зеленым камнем.

– У вас очень красиво получилось, – заметил Артем, разглядывая картину. – Вы часто тут рисуете?

– Почти каждый день, – ответила девушка. – Мне на создание одной работы иногда требуется не один месяц.

Она улыбалась, но лица к Артему не поворачивала.

– Да, – согласился Артем, – искусство дело сложное. Наверно.

Девушка еще шире улыбнулась и, Артем даже замер: вот сейчас она обернется, и он увидит ее лицо. Но чуда не случилось.

– Это не так, – ответила она все тем же мелодичным голосом. – В искусстве самое главное это любовь. Без него ничего не строится. Если любовь есть, то и искусство живо. Если любви нет, то будь ты хоть семи пядей во лбу, а не прочувствуют люди ни твои картины, ни твои скульптуры, ни музыку. Это ведь все точные науки, все пишется по схеме, по образу. Жизнь в искусство вдыхает только любовь.

– Как это – точные науки? – изумился Артем. – А как же вдохновение?

– А вдохновение это и есть любовь, – отвечала незнакомка, продолжая методично очищать кисти от краски. – Понимаете, все искусство базируется на чертежах и схемах. На размерах. Есть размер стиха, размер октав, размер параметров рисунка и скульптур – у всего есть размер. Но жизнь шедевра заключена в любви, которая приходит и уходит. Будет творец любить – придет к нему вдохновение. Не будет любить – и творить не будет, ибо не за чем и нечем, когда сердце пусто.

– А ваше сердце полно? – спросил Артем и почему-то испугался ответа. Девушка на миг замерла, а потом ответила все тем же тоном:

– Я люблю этот мир всем сердцем, всей душой. Люблю все многообразие красок, чувств, вихрей, мелодий. Я слышу каждое утро как встает солнце, как звенят его лучи. Вы знали, что лучи звенят? – быстро спросила она у Артема.

– Нет, – ответил озадаченный вопросом Артем.

– А они звенят! – воскликнула девушка. – Тонко-тонко, едва уловимо. Но их звон ни с чем не сравним! Это звон победы света над тьмой, добра над теневыми сторонами души человека, надежды над ожиданием, любви над тоской. А знаете, как звучит солнце на закате?

– Нет..., – Артем все больше озадачивался.

– О, это совсем иной звук! – девушка отложила кисти. – Это мелодия прощания, мелодия мольбы. Мольбы к людям, чтобы они надеялись, верили, что не все потеряно, что ночь не вечна, что надо верить и наступит день. Это мелодия любви и веры в лучший исход. Яркие лучи уходят и мы их провожаем с верой в лучшее. Это мелодия прощания с надеждой на встречу.

Ее правая рука вспорхнула и как будто бы попыталась поймать луч, и Артем готов был поклясться, что она его сейчас поймала и держала в своей руке.

– Вы очень тонко чувствуете этот мир, – заметил Артем. – Не удивительно, что вы так ловко передаете цвет его красок на холсте.

– О, – засмеялась девушка, – краски – это совсем не трудно! Они же все звучат совершенно по-разному! У каждого цвета или полутона своя волна и своя вибрация, своя песня и свой стих. Мне гораздо сложнее уловить пропорцию, размер. Я их вижу несколько иначе, чем они есть.

Артем кивнул.

– Да, видение художников иногда не совпадает с реальной действительностью, но у вас все очень даже четко совпало, – договорил он сверяя пейзаж на холсте с оригиналом.

– Правда? – девушка радостно воскликнула и впервые повернулась к Артему лицом, сияя улыбкой.

И тут молодой человек испытал самый сильный в своей жизни шок: девушка смотрела на него невидящими глазами. Художница была слепа.

От потрясения Артем забыл о том, что девушка задала ему вопрос. Он все смотрел и смотрел в эти прозрачно-голубые глаза и не мог понять: как так получилось. Ведь эта девушка никак не производила впечатления незрячей. Она ведь писала картины!

КАРТИНЫ! Как удар молнии в мозг Артема отозвалась эта шокирующая мысль.

Он жадно уперся взглядом в холст, на котором безупречно легла практически точная копия пейзажа, что открывалась глазам с этой скамейки. Но как? Как, черт возьми?!

Тем временем выражение лица девушки чуть изменилось. Ее улыбка из восторженно-счастливой плавно перетекла в печально-участливую.

– Я вас напугала, – проговорила она, вновь поворачиваясь к холсту и вновь взяв в руки кисти. – Простите.

Артем проследил за ее действиями и поразился тому каким точным и уверенным движением эта девушка взяла в руки кисти. Он был готов поклясться, что она ВИДИТ! И тут он спохватился:

– О, нет, – Артем терялся в словах. – Это вы меня простите. Я просто...

– Не объясняйте ничего, – покачав головой, улыбнулась девушка. – Вы просто не ожидали, что ваша собеседница окажется с дефектом глаз. Не переживайте. Я привыкла.

Оба не на долго замолчали. Артем замороженно продолжал наблюдать за девушкой, а девушка будто бы погрузилась в свои раздумья. Ее руки уверенно протирали кисти, а взгляд был устремлен куда-то за линию горизонта. Шли минуты. Оба молчали.

Это время показалось Артему слишком долгим. Слишком. Он несколько раз порывался встать и уйти, но что-то будто бы приковало его к этой скамейке. Или к девушке. В голове у него проносился невероятный рой мыслей. Встать и уйти – значит пренебречь этой девушкой, сбежать от нее, скрыться. Поставить себя выше нее. А остаться – это, возможно, будет давить на нее неравностью положения. С другой стороны, девушка явно не ощущала себя ущербной, и Артем запутался в своих суждениях окончательно.

– Меня зовут Эля, – все такой же мелодичный голос девушки выдернул Артема из его мыслей.

– А меня Артем, – парень был явно озадачен внезапной открытостью девушки какому-то прохожему. – Рад знакомству.

– Ар-тем, – нараспев произнесла его имя новая знакомая. – Красиво. Но вам больше подошло бы имя Александр. Оно сильнее, решительнее, основательнее. А это имя вас немного дезориентирует в пространстве, делает несогласованным ваши ощущения с проявлением внешнего мира и его стремлений.

Артем изумленно смотрел на девушку и не мог поверить тому, как четко она описала его нынешнее внутреннее состояние. Ведь все было очень точно: внешний мир не понимал его внутренних ощущений и именно это привело его на набережную!

– Вы знаете, – задумчиво произнес Артем, – а ведь мама хотела меня назвать Александром, но поддалась на уговоры бабушки и вот я – Артем.

Девушка вдруг очень мягко и тепло улыбнулась:

– Мамы всегда знают, как нужно, но чаще они поддаются на шепот чужого мнения, чужого опыта, чужого голоса и меняют свое решение, а зря. Знаете, сколько ошибок можно было бы избежать, если бы родители не опирались на чужое мнение в воспитании детей, а слушали свое собственное сердце?

– Вы думаете? – заинтересовался Артем.

– Уверена! – убежденно ответила Эля. – Многие воспитывают детей только опираясь на книги, созданные другими людьми, многие живут рекомендациями людей, детей которых в жизни не видели. Я понимаю, что сейчас есть мода на книги и считается, что, если человек написал книгу, значит, он в этом вопросе разбирается. Но ведь дети – это не универсальный инструмент! Это индивидуальность и невозможно всех под одну гребенку! Да и потом, как можно следовать рекомендациям совсем чужих людей, не из своего круга общения, ведь это другой ритм, другой темп жизни, другие ценности и мотивы?

– Но ведь всех детей воспитывают на чужом опыте, – возразил Артем, – На опыте бабушек, дедушек, тетей, дядей и других людей.

– Все верно! – с жаром согласилась Эля, – Но ведь тут вы можете видеть результат их работы! Вы ведь не будете прислушиваться к тем, чьи дети пошли по линии тунеядства и пьянства или, упаси боже, разбоя, насилия и убийства? Не будете?

Она вновь повернулась к Артему и посмотрела на него так, как будто бы видела его насквозь. Артем поежился от этого странного невидяще-пронзающего взгляда:

– Да, пожалуй, такой родитель не имел бы для меня экспертности в вопросе воспитания ребенка...

– Вот! – Эля радостно продолжила, – А как узнать результат воспитания детей автора книги? Где его увидеть?

Артем в ответ пожал плечами, а Эля продолжила:

– Вот то-то и оно, что это сделать сложно, – вздохнула она. – Хотя, справедливости ради надо отметить, что авторы некоторых книг пишут очень даже толково и мудро. Но надо понимать, что их рекомендации – лишь рекомендации. Нельзя следовать им слепо. Лучше просто следовать велению своего сердца и быть последовательными.

– Это в каком смысле? – спросил Артем. Разговор с этой девушкой о вещах, в которых он слабо разбирался, его вовлекал все больше. Он давно понял, что Эля каким-то образом чувствует все его жесты и настроение, потому как тут же менялась тональность ее голоса, ее жесты и скорость речи.

– Все очень просто! – Эля вновь отложила кисти невероятно точным движением и повернулась к Артему. – Что такое ребенок? Это человек, который исследует мир и в первую очередь проверяет на прочность своих родителей. Так вот, если родитель ведет себя твердо, уверенно, алгоритмично и последователен в своих словах и действиях – у ребенка складывается точная и понятная картина мира. Он четко понимает, что можно, а что нельзя. Где правда, а где вымысел. Его система моральных принципов крепнет и он растет уверенным и в себе и в твердости окружающего мира. Это потом он поймет и разберется как миром можно управлять, но на первом этапе важно сформировать точное представление о правилах жизни. А если же родители не постоянны в своих решениях, если сегодня запрещают, а завтра разрешают, если ведутся на капризы, то у ребенка формируется ложное представление о мире, нет ощущения границ правил жизни, нет ощущения твердости опоры, есть ложное представление о вседозволенности. Тогда ребенок не понимает, что истина, а что ложь и он не застрахован от беды. Ведь если сегодня нельзя, а завтра можно, то он может решить, что, к примеру, и пальцы в розетку сегодня нельзя, но по факту можно. Понимаете, Артем, о чем я?

– Да, – задумчиво ответил Артем, – понимаю.

Пока она говорила, он вспоминал свое детство и видел аналогии в воспитании себя.

Его мать была строга и тверда, как и отец, но вот бабушка была совсем не последовательна. Теперь он понимал откуда в нем такие полярные ощущения и иногда ощущается некая шаткость картины мира.

А Эля продолжала:

– Вот. А еще хуже, если родители пытаются на каждый плач ребенка дать ему все что угодно, лишь бы он замолчал, а не разбираются в истинности слез чада. А это ошибка. Это растит в ребенке манипулятора. Это опасно для него же самого.

– А что нужно делать? – искренне спросил Артем.

– Разобраться в истинном мотиве слез, – ответила девушка, изумляясь непониманию очевидных вещей. – Это самое правильное. И ведь родители всегда знают чистые слезы или наигранные. В разных ситуациях и реакция должна быть разная. Но с любовью. Всегда только с любовью.

Они немного помолчали и вдруг Эля сказала:

– А ведь вы любите...

Голос девушки внезапно стал бархатистым, мягким, струящимся как шелк.

– Что люблю? – не понял Артем.

– Просто – любите, – все тем же бархатным голосом ответила девушка. – В вашем сердце живет любовь. Настоящая. Чистая. Искренняя любовь. – Она замолчала и потом грустно добавила – Это такая редкость...

– Отчего же редкость? – заинтересованный Артем придвинулся ближе к собеседнице. – Столько пар создаются каждый день, столько людей встречают друг друга, столько сердец бьются в унисон. Разве мало любви?

– Ох, Артем, если бы все люди могли любить так, как умеете вы! Чисто и бескорыстно. Но ведь это не так, увя. Знаете, как бывает?

– Как?

– Люди любят не душой, не сердцем, а мозгом. Думают, что любят. Подменяют понятие любить влюбленностью, страстью, ревностью, жадностью, избыточной опекой, которая опять-таки рождается из-за ревности, а та – из-за неуверенности в себе. А неуверенность в себе из-за личного несовершенства. Личное несовершенство – следствие отсутствия личного развития и так далее. Если продолжить цепочку, то мы упрямся в банальную лень. Лень работать над собой, лень искать свой путь, лень добиваться, завоевывать, удерживать. Лень любить. Ведь любовь – это глобальная, колоссальная и каждодневная внутренняя работа над собой в первую очередь. Гораздо проще найти удобные отношения.

– Это как? – не понял Артем.

– А это элементарно. Удобно это когда ты просто ни над чем не работаешь. Тебя устраивает быт, обстановка, статика. Для мужчины это обустроенный быт, стабильный секс, наличие ребенка, которым занимается супруга. Для жены это муж, который зарабатывает и которого можно попилить (тут Эля поморщилась), но который не сбежит, потому что удобно. Если что не так – можно прикрыться ребенком. Шантажировать им. Или иначе: вроде бы была влюбленность, страсть, пыл, но прошло время и все угасло. И дети уже есть и быт, совместно нажитое имущество. Есть даже, может быть интрижка на стороне, но... Семья не распадается, потому что так удобно, – Эля вздохнула. – А бывает, что и распадается. Только создать новую нужно не по образу и подобию предыдущей, а иную, чтобы в ней была любовь. Но как, если ты не вырос сам, а с прошлой точки новое не вырастет...

Артем подумал немного и изрек:

– Пожалуй, я понимаю, о чем вы говорите. Вы говорите о том, что люди живут по привычке больше, а не по любви. Но это не одно и то же. Знаете, я тоже всегда думал, что любовь это нечто сильное и длительное, что это то, что рождается из глубин и длится бесконечно. Это то, что не требует ничего взаимы, это то, что ты просто готов дарить и оно никогда не иссякнет. Это то, что не терпит условностей и бартера. Ее не купишь, – Артем замолчал и продолжил, – Дети так любят. Маленькие дети.

– Да, – выдохнула Эля, – дети... Знаете в чем беда, Артем? В том, что родители не могут сейчас научить детей любить, потому что сами не умеют. В большинстве своем не умеют. Еди-

ницы только могут любить. А дети же все копируют. И что они возьмут от родителей, когда их любовь надуманная, а не льется из сердца? Что они возьмут от родителей, если у тех внутри вместо любви – неразрешенные взаимные претензии?

Артем молчал. Его отец погиб, когда ему было десять лет. С тех пор мать так замуж и не вышла. Он не видел отношений между мужчиной и женщиной, не помнил их. Отец всегда был в командировках, а воспитанием его, Артема, занималась мама и в большей степени – бабушка, которая страдала сильными перепадами настроения.

Что уж говорить о его нынешних отношениях с девушкой, если Артем и так знал, что согласно Элиной теории там больше расчет, чем любовь. А он сам, Артем, кого он любит, если Эля сказала, что в нем живет любовь? Любовь к Маше?

Артем замер, прислушиваясь к собственным ощущениям. Нет, это не любовь. Это удобные отношения. Ровно так, как описала Эля. Ему было удобно с Машей. Удобно потому что она красивая, с ней он выгодно выглядел в глазах бизнесменов на разных встречах. Удобно, потому что мать наконец перестала его терроризировать относительно отношений с девушками. Да, Маша ей не нравилась, но Артему было все равно. Другой девушки на примете у него не было, хотя на шею вешались многие. Да, Маша удобная, но где же тогда любовь, которую углядела Эля?

Взгляд молодого человека скользил по площади, набережной, постройкам... Ведь нельзя же назвать любовью любовь к городу? Или можно?

– Я вас озадачила? – своим вопросом девушка вырвала Артема из его размышлений.

– Немного, – признался он. – Вот вы сказали, что я люблю и я задумался, но не смог найти в себе любовь ту, настоящую, о которой вы говорили...

– Это любовь к миру, – ответила Эля, – к природе, к месту, к городу, к чему угодно.

Это важный элемент жизни каждого человека. Если есть такая любовь, то человек не безнадобен. Это значит, что он может вырастить в себе любовь сильную, настоящую и к человеку.

Оба вновь замолчали. Эля складывала краски в футляр, а Артем наблюдал за тем как она, слепая, раскладывает их согласно цветовой гаммы. Это выглядело очень необычно. Эля брала тюбик в руки, на мгновение будто бы с ним замирала, а потом либо откладывала в сторону, либо складывала в футляр, если тюбик подходил по цвету.

Наконец, Артем не выдержал:

– Простите меня за бестактность, но, – молодой человек пытался подобрать слова, – как вы рисуете, если...

– Если я не вижу? – завершила девушка, повисший в воздухе вопрос.

– Да, – кивнул Артем и тут же замотал головой, – то есть нет! Вы сейчас раскладываете палитру так, будто видите каждый цвет, но... Как это возможно?

Эля рассмеялась. Затем взяла очередной тюбик, замерла с ним на мгновение и безошибочно положила в футляр между двумя соседними.

– Все очень просто, – ответила она.

Видимо, для Эли вообще все было просто и очевидно, раз она так часто повторяла эту фразу.

– Когда-то я могла видеть глазами, как все обычные люди, – продолжила она, закрывая собранный футляр.

Артем нахмурился, силясь понять суть слов. Аргумент его не убедил.

– Простите мою настойчивость, но... огромное количество людей теряет зрение и не может похвастаться такой точностью движений и уж тем более – точностью воспроизведения пейзажа в красках и деталях, а вы... Вы феномен. Вы – рисуете с поразительной точностью, как не каждый зрячий может. На моих глазах раскладываете палитру по цветам... Простите еще раз мою бесцеремонность, но я себе голову сломаю, если не пойму – как?

Эля улыбнулась широко и добро:

– Вы ищите подвох, как ищет любой человек, когда ему показывают фокус. Он изначально не верит в чудо, ищет в чем сокрыт секрет и обман иллюзиониста. Этим фактом люди себя ограничивают, приняв за основы некоторые константы своего бытия. А если бы они поверили в то, что нет ничего невозможного, то мир наполнился бы волшебством и трепетом душ.

Эля на минуту замолчала, затем вздохнула и продолжила:

– Вы хотите знать в чем мой фокус. А ответ прост: я живу миром. Дышу им. Мы с ним – одно целое. Он – мои глаза, уши, руки... Он для меня – все. Если бы люди только могли ощущать мир кожей, они бы осознали насколько мало они видят глазами.

– Простите, но как можно видеть еще, если не глазами? – не понимал Артем.

– Сердцем и мозгом, – простой ответ Эли озадачил молодого человека, – так видят все люди. Без исключения.

Артем молчал. Ему казалось, что они говорят на совершенно разных языках. Он хотел узнать о технической стороне данного вопроса, ему хотелось понять суть видения девушки, его алгоритм. Не может же быть того, что незрячая обладает такой невероятной чувствительностью к восприятию окружающего мира, что может, не видя его, воспроизводить на холсте. Эля же, как ему казалось, вновь уходила в философию, хотя до этого она говорила о сути вещей в его понимании.

– Хорошо, – вздохнула Эля, – я вам расскажу.

Повесивший, было, голову Артем, вдруг встрепенулся и приготовился слушать.

– Я и моя сестра родились в обычной семье с дворянскими корнями. Этот факт откладывал отпечаток на наше воспитание. Мы были обычными девочками близнецами, которые ничем не отличались от других детей, кроме одного: воспитания. Наши родители, а также их родители – наши бабушки и дедушки – давали нам совершенно невообразимое представление о мире. С самого детства мы познавали этот мир иначе, чем другие дети. Нас учили чувствовать, слышать, видеть, ощущать, вкушать и ошибаться. Да-да, ошибаться. Нас учили тому, от чего оберегают других детей, не понимая, что только ошибки и право на них может дать ребенку наивысшее развитие и познание мира.

Эля на секунду замолчала и вновь продолжила:

– Однако, это не значило, что нас подвергали опасности. Нет. Это было иначе. Совершив какую-то ошибку, мы разбирали ее на составные части, обращая свой взор назад, чтобы понять предпосылки ее совершения. Самый исток мысли, самый кончик идеи, который привел к ошибке. Так мы учились видеть заблаговременно предвестники и причинно-следственные связи тех или иных ситуаций. Но этого мало – видеть предвестники. Важно осознавать и последствия того или иного события, в том числе и ошибки. И мы учились видеть. Это невероятно увлекательно – видеть все причины, наблюдать за тем, как они разворачиваются в событие и тогда, когда ты уже в нем находишься – ты все равно наблюдаешь как бы сто стороны. Это невероятное чувство! Будто бы Вселенная разворачивается вся у тебя на ладони, и ты все видишь, наблюдаешь и знаешь, что будет потом.

Самый простой пример – горячий чайник. Эту ситуацию мы с сестрой разобрали, когда нам было всего три года. Был прекрасный блестящий чайник, который мама почти каждый вечер намывала до блеска. Никто никогда к нему особо не прикасался и казалось, что только мама имеет право на то, чтобы его трогать. Это казалось нам с сестрой каким-то волшебством, а мама казалась волшебницей, раз только ей дозволено прикасаться к этому волшебному предмету. Это потом нам стало ясно, что мы видели этот предмет только за вечерним чаем, а днем его мог трогать кто угодно, но тогда...

Но вот эта мысль о том, что предмет волшебный и мама – волшебница, была истоком того, что мы с сестрой однажды перед вечерним чаем решили его достать.

Чайник стоял на столе и мы, подставив стул, решили до него дотянуться. Но он был далеко и мы потянули на себя скатерть. Что произошло дальше – догадаться не сложно. Горя-

чий чайник мы бы опрокинули на себя, если бы не бабушка. В тот момент, когда Юлиана уже схватила рукой за его обжигающую стенку, бабушка подхватила чайник, предотвратив падение. Рука сестры покраснела и появился один небольшой волдырь, который потом лечили. Я до сих пор помню тот день, когда мы с отцом сидели и искали внутри себя самую первую мысль, которая привела нас к случившемуся событию.

Нас учили иначе, чем других детей, хотя мы ходили в обычную общеобразовательную школу. Дома же мы делали наши уроки, а потом занимались познанием окружающего мира через наблюдение и осознание причинно-следственных связей. Но это еще не все. Когда нам исполнилось семь лет, нас стали учить воспринимать мир в разных его проявлениях. Так, к примеру, нас учили слышать без помощи ушей, и мы несколько месяцев ходили с берушами в ушах. Нас учили говорить без помощи речи, и мы учили язык жестов. Нас учили видеть без помощи глаз, и мы ходили в повязках на глазах, а потом и просто с закрытыми глазами. Нас много чему учили и некоторые вещи покажутся вам неслыханными и безумно странными, но... из этого складывается жизнь.

Каждую неделю на выходные мы ездили с родителями на дачу и однажды там случился пожар. Мы с сестрой заметили его очень рано, так как из-за упражнений и тренировок у нас был идеальный нюх, который позволил проснуться сразу, едва мы почуяли запах оплавленной проводки. Комната родителей была не втором этаже. Мы очень долго почему-то не могли их разбудить, но, когда это случилось, пламя уже разгорелось достаточно сильно.

Мы почти выбежали из горящего дома, когда Юлиана вдруг вспомнила о нашей кошке и бросилась назад, а я – за ней следом. Отец не успел поймать нас. Второй этаж уже горел вовсю, а первый был весь в дыму. Было невероятно жарко, но мы были обучены терморегуляции и могли долго не дышать... Когда рухнул потолок, Юлиана успела оттолкнуть меня вместе с кошкой...

Эля замолчала. Артем слушал потрясенный, не произнося ни слова. Да и какие тут слова – такие невероятные вещи услышишь не часто.

– Юлиана погибла, когда нам было всего шестнадцать лет. А я... Врачи сказали, что от сильного удара оказался поврежден нерв и глаза перестали видеть.

Артем молчал. Ему было крайне неудобно от того, что его расспросы привели к тому, что Эле пришлось вспомнить такой жуткий день из своей жизни.

– Я не могу вам сказать к чему готовили нас наши родители и в частности отец, но... То, что мы умели, сыграло мне на руку, – со вздохом проговорила Эля. Ее голова опустилась и казалось, что она разглядывает складки своей юбки, перебирая их тонкими изящными пальчиками.

– Мне очень жаль..., – Артем услышал свой глухой голос.

Эля ничего не ответила. Она продолжала молчать, а потом вдруг заговорила очень быстро, будто бы боялась, что не успеет рассказать:

– Юлиана погибла, но она жива. Я чувствую ее присутствие и даже вижу! Мы близнецы и мы всегда ощущали друг друга. Помните, – девушка вновь повернулась лицом к Артему, – я говорила, что можно видеть сердцем и мозгом? Так вот, многие люди воспринимают этот факт по-разному. Если смотреть с философской точки зрения, то да, люди пропускают любой факт через призму восприятия либо сердца, либо мозга, то есть разума. Они оценивают либо велением сердца, ведомые любовью или интуицией, либо велением рассудка, логики. Но я имела в виду другое, когда говорила о видении. Наше тело может иначе воспринимать этот мир. Глаза лишь посредник. На самом деле мозг напрямую может принимать и обрабатывать информацию, без помощи глаз. Так вижу я. Не четко и рушатся пропорции, но вижу. А сердце дает мне представление о живости красок. Их я ощущаю сердцем.

– То есть, вы все же видите? – уточнил Артем.

– И да, и нет, – ответила Эля, складывая мольберт, – скорее, чувствую. Это сложно объяснить.

– Понимаю, – кивнул Артем. Эта странная девушка с невероятным прошлым произвела на него сильное впечатление. Некое сочетание огромной внутренней силы и в то же время хрупкости и женственности.

– Знаете, Артем, мне все время хочется назвать вас Александром. Я всякий раз с трудом заставляю себя произнести имя Артем. Оно не ваше, простите, но... это так. Вы – Александр. Сильный, решительный, умеющий решать сложные задачи и не пасующий перед сложностями. Вы – защитник. Думаю, что вы и сами ощущаете некую связь с этим именем.

– Пожалуй, – уклончиво согласился Артем.

– И любовь, – продолжила девушка, – не теряйте чувства любви в сердце. Не важно к чему или кому. Важно его наличие. Делайте всегда все только с любовью, тогда... Тогда ваша жизнь будет более полной и насыщенной. И честной.

Эля поднялась со скамьи как раз в тот момент, когда на проезжей части появился черный автомобиль с тонированными стеклами. Из автомобиля вышел мужчина в строгом костюме и направился в их сторону.

– Это за мной, – проговорила девушка.

Артем встрепенулся и подскочил с места:

– Но ведь мы так и... не договорили. Как я могу вас найти? Вы невероятный человек и мне хотелось бы продолжить наше общение.

– Самое главное мы уже сказали друг другу, – загадочно ответила девушка и улыбнулась Артему, – а если будет на то воля небес... то мы еще встретимся.

– Элеонора! – позвал девушку приближающийся мужчина, пристально разглядывавший Артема. – Все хорошо? Ты готова?

– Да, – ответила Эля, оборачиваясь на голос. – Можете взять мольберт. Элеонора обернулась вновь к Артему и протянула ему руку:

– Благодарю вас за беседу... Александр, – девушка улыбнулась. – Успехов вам!

Артем взял ее руку и вопреки ожиданию не пожал, а поднес к губам и поцеловал хрупкие пальчики.

– Я буду надеяться на встречу, Элеонора, – он впервые произнес ее имя. – Может быть вы все же дадите мне ваш контакт?

– Это лишнее, – вмешался в их разговор ожидавший Элю мужчина. – Элеонора, мы спешим.

– Да-да, – кивнула девушка, высвобождая руку из рук Артема. – Мне пора.

С этими словами девушка развернулась и, опираясь на руку мужчины, заспешила к машине. Артем стоял и смотрел как мужчина довел девушку до машины, убрал в багажное отделение мольберт, открыл дверь пассажирского сидения, помог девушке сесть и закрыл дверь. Сам же открыл дверь пассажирского сидения рядом с водителем и перед тем как сесть, бросил пронизывающий взгляд на Артема. Едва дверь закрылась, машина тронулась с места и быстро скрылась из виду.

Элеонора села в автомобиль и по привычке повернулась лицом к сидящему рядом седовласому и статному мужчине в строгом костюме:

– Что скажешь, папа? – спросила она ничуть не волнуясь. – Я сдала экзамен?

– Это скажут наблюдатели, – спокойно и даже сухо ответил отец. – Ты слишком много рассказала ему. Не стоило.

– Папа, ты же знаешь, что этот человек относится к типу, тонко чувствующих игру. И потом, его не так просто заинтересовать, а моя правда – лучший повод для интереса, – возразила Эля отцу.

– Знаю, – коротко согласился тот, – и тем не менее, не стоило выдавать ему такой объем информации.

– Хорошо, папа, – кивнула девушка, – я учту это на будущее, но ведь именно вы с мамой учили нас, что обезоруживать любого человека нужно правдой. Что в данном случае и произошло. Кроме того, ты всегда говорил, что наша с сестрой задача – творить добро и благо. А раз то, что мы делаем – во благо, то и скрывать нечего, верно?

– Верно, девочка, верно, – отец взял Элю за руку, коротко пожал ее и отвернулся к окну. Эля не видела, как отец сощурил при этом глаза, поджал тонкие губы и тяжело вздохнул. Однако, девушка почувствовала его напряжение:

– Я что-то сделала не так? – спросила она, ожидая ответа.

– Это покажет время, Элеонора, – сдержанно ответил отец, вновь оборачиваясь к слепой дочери. – Нам дают месяц на то, чтобы увидеть изменения. Кроме того, самым важным будет твой отчет с временными отсечками действий. И только тогда, когда твои прогнозы совпадут с реальностью, можно будет знать прошла ты итоговый экзамен или нет.

Девушка улыбнулась:

– Хорошо, папа. Но я уже знаю, что прошла.

– В самом деле? – мужчина удивленно приподнял бровь и пристально посмотрел на девушку.

– Да, – лучезарно улыбнулась Эля. – Этот человек соткан из любви, а это значит, что он ею живет... Все получится, папа. Он станет собой!

– Хорошо, девочка, – мягко улыбнулся мужчина слепой и повернулся к водителю: – Алексей, поторопись, нам еще нужно сделать много дел.

Машина неслась по гладкой асфальтированной дороге среди осеннего леса. Солнце красиво играло лучами в золоте листья, создавая причудливые блики и различные оттенки охры. Казалось, что весь мир радуется этой золотой осени, однако в машине как будто никто не замечал этого сияющего великолепия, кроме незрячей девушки.

Элеонора улыбалась, направляя свой невидящий взор за пределы окна автомобиля. Звучащая в машине музыка Чайковского «Времена года», дополняла все это великолепие, что пронеслось за окнами автомобиля. Стороннему наблюдателю могло показаться, что только эта девушка и видела всю красоту природы, только ей были открыты тайны ее мелодий и переливов цвета.

Они подъехали к большому особняку, стоящему в глубине леса за высоким забором. Ворота словно в сказке плавно отворились и машина, сочно шурша шинами, плавно вкатилась на обширную территорию перед домом. Оба мужчины спешно вышли из автомобиля, оставив в машине водителя. Отец помог выйти дочери из машины, а второй мужчина, что забирал девушку с набережной, достал из багажника мольберт.

– Вот мы и дома, – сказал Эле отец и повернулся к помощнику: – Марк, отнесешь мольберт в мастерскую Элеоноры и поможешь Ольге отвести ее до комнаты. После сразу возвращайся. Сегодня тебя подменит в доме Рауль.

Марк кивнул:

– Понял!

Он взял под локоть Элеонору и плавно повел к парадной лестнице дома, с которой уже торопилась спуститься чуть полноватая дама в пышной юбке и переднике, очень похожая на какую-то средневековую горничную.

– Добрый день, сударыня Элеонора, – проговорила Ольга, подхватывая девушку под другую руку и ведя ее к дому. – Как вам прогулка?

– О, Ольга, – улыбалась Эля, – все было потрясающе! Сегодня великолепный день для этюдов!

– Правда? – Ольга бросила короткий взгляд на Марка, но тот не выразил никаких эмоций. А Элеонора продолжала:

– О, да! Ты непременно должна увидеть тот набросок, который я сделала сегодня. Говорят, мне сегодня удалось поймать пропорции и цвет!

– Почту за честь, сударыня! – таков был ответ Ольги.

Они вошли в дом, внутреннее убранство которого так же вносило некий диссонанс с современностью. Внутренне дом был больше похож на усадьбу прошлого века, единственной современностью в нем был лифт, который был сделан в старинном здании, чтобы Элеонора могла не опасаться оступиться на крутых ступенях лестницы.

Ольга повела девушку в ее комнату, а Марк отнес в мастерскую мольберт. Когда Ольга усаживала девушку в кресло, Эля услышала шум отъезжающей машины: это значило, что Марк уже вернулся к отцу и они покинули территорию дома.

– Ольга, – обратилась к горничной Эля, – дальше я сама. Оставь меня. Я позову тебя, если понадобится. В мастерскую я сегодня уже не пойду. Обед подавать через час.

– Как скажете, сударыня, – ответила Ольга и вышла из комнаты.

Едва за горничной закрылась дверь, Элеонора соскочила с места и осторожно, но стремительно направилась в соседнюю комнату, которая являлась ее спальней. Надо сказать, что комнаты в особняке имели старинное расположение и как правило на одного человека приходилось по нескольку комнат. Так у Элеоноры была своя гостиная, из которой вела дверь в спальню. В спальне была своя ванная комната и гардеробная.

Войдя в спальню девушка резким движением сняла кофту и отсоединила прикрепленный к плечу микрофончик. Сняла с пояса коробочку передатчика и порывисто убрала все в ящик тумбочки. Прислуге вовсе не нужно знать какие задания она выполняет, хотя Эле порой казалось, что тут все в курсе всех событий. Однако, не стоило лишний раз провоцировать Ольгу на раздумья.

Ольга была единственным человеком, которого здесь держали вслепую, без посвящения в суть и роли. Девушка искренне считала, что служит потомкам дворянской семьи и гордилась этим. Она с особым трепетом относилась к Элеоноре и та отвечала ей взаимностью, но в сложившейся ситуации, которая длилась уже пять лет, нельзя было верить никому.

Элеонора быстро нашла в гардеробной нужное ей платье. Мало кто понимал каким чутьем она в ней ориентировалась, но на самом деле все дело было в системе и порядке, в котором располагались вещи на штангах гардеробной. Эту систему она разработала с предыдущей горничной Мартой, которую по какой-то причине уволил тот, кого она сейчас вынуждена была называть отцом.

Отец... Воспоминания о семье отозвались грустью в сердце Элеоноры. Девушка вышла в гостиную, осторожно подошла к креслу и опустилась на мягкие подушки.

Отец... Когда случился пожар, все произошло очень быстро. Элеонора точно знала, что он вернулся за ними, но... Потолок рухнул раньше. Эля не помнила, чем закончилось дело. Она очнулась уже в больнице и в полной темноте. Спустя неделю ей сказали, что Юлиана погибла, а потом... Потом начались чудеса. Вместо отца к ней стал приходиться другой человек, который настаивал на том, что он – ее отец. Да, возможно внешне, тембром голоса и еще чем-то визуальным он и был похож на отца, но! Это был не отец! Это был другой человек, действительно выдававший себя за ее отца.

Элеонора сопротивлялась, выгоняла из палаты самозванца, однако она ничего не добилась этим, кроме как того, что ее почти поместили в психиатрическую клинику.

Элеонора случайно услышала разговор самозванца с врачом из-за закрытой двери, благо слух у девочки был феноменальный (спасибо отцу за тренировки). И Эля сменила тактику.

Она не верила в смерть отца и Юлианы. Уж с сестрой-то у них была прочная связь и Эля четко ощущала, что Юля жива, но не знала где она и что с ней. Оставалось уповать только

на то, что с ней хорошо обращаются и что она не сильно пострадала от пожара. Хотя, на это надежды было мало: Эля помнила момент, когда Юлиану накрыло пламя рухнувших балок.

Элеонора вздохнула и погрузилась в воспоминания прошлого.

Она и Юлиана были обычными сестрами-близнецами и от других детей их отличало только воспитание родителей. Эля нисколько не преувеличила или приврала, когда рассказывала Артему о своей семье и ее устройстве, кроме одного: они с сестрой с самого детства знали для чего и к чему их готовят.

Их отец был прямым потомком дворянского рода, который состоял в тайном Ордене, задачей которого был поиск светлых людей, с чистым, незатуманенным сознанием для передачи исконных знаний древности. Эти знания были настолько сильными и мощными, что позволяли корректировать события мирового масштаба.

Однако, это был не какой-то эликсир или магические средства, нет. Задача Ордена была в том, чтобы светлые люди исподволь получали нужные знания и оказывались в нужное время в нужном месте для того, чтобы элементарно устранить некие перекосы в обществе.

Так, к примеру, войны могли предотвращаться обычным, но очень важным словом, обреченным великому человеку в случайном контакте с одним из простых смертных, который оказывался тем светлым человеком, которого лет десять назад случайно встретил один из служителей Ордена и поговорил с ним о несущественных вещах.

Именно из-за своей силы, было важно соблюсти чистоту помыслов всех членов Ордена. Поэтому в него отбирались очень тщательно и щепетильно все кандидаты. И даже, если твои предки состояли в Ордене, это не являлось основанием для того, чтобы все потомки оказались в его рядах.

Девочкам повезло: они с самого детства прошли отбор и с трех лет началась их подготовка. Каждый день не был похож на предыдущие. Самой важной деталью, которой уделялось максимальное время, был разбор ситуаций на причинно-следственные связи от итога и до самых истоков их возникновения. Причиной разбора было все что угодно: от промокших ног в ботинках до причины того, отчего начал извергаться вулкан. Отец учил детей видеть предпосылки абсолютно любых ситуаций. Видеть и просчитывать их заранее.

В итоге к 10 годам девочки могли рассчитать алгоритм абсолютно любого события как из своей жизни, так и из жизни любого другого человека сразу по нескольким вариативным траекториям.

Но только этим обучение не заканчивалось. Девочки изучали языки, в том числе язык жестов и язык брайля. В свои 16 лет они знали примерно столько же, сколько преподаватели в университетах, однако продолжали посещать общеобразовательную школу и учились наравне со всеми. Но в то время, когда все их одноклассники изучали физику, химию, геометрию и другие предметы, девочки изучали поведенческие особенности психики детей и причинно-следственные связи всех ситуаций, а также познавали изменения в детях через раскрытие новой любви.

Любовь.

Элеонора улыбнулась и ее лицо, грустное от воспоминаний, сразу же просветлело.

Отец всегда учил их делать все с любовью. Даже то, что не доставляло никакого удовольствия. Особенно то, что не доставляло удовольствия. Эля вспомнила, как научилась с любовью производить в уме скучные математические расчеты и препарировать лягушек, изучая анатомию и основы хирургии, а Юлиана...

Эля вновь погрустнела. Она точно знала, что ее сестра жива, потому что они умели общаться не вербально. Много лет назад, еще в детстве, они в тайне от отца стали экспериментировать с электромагнитными импульсами, которые мог передавать мозг. Они трениро-

вались вначале на простых мыслеобразах глядя друг другу в глаза. Затем это были мыслеобразы на расстоянии. Позже они могли уже общаться картинками.

Погрешность, конечно же, оставалась, но... Эля оправляла в пространство Юлианы огромное количество картинок, однако ей приходило в ответ не меньше. Но с годами Эля стала сомневаться – не она ли их сама себе придумывает.

Элеонора вздохнула. Отсутствие любой обратной связи может легко подорвать непререваемую до конца теорию. Девочки слишком мало ее отработали, чтобы быть уверенными в правдивости картинок. А отработать ее они не успели: случился пожар.

Эля вспомнила ту ночь, как сейчас. Она очень хорошо помнила, как они с Юлианой проснулись и не могли никак добудиться родителей. Это было странно, если бы не одна причина. Детям, которых с самого детства учили подмечать все предпосылки, не составит труда вычислить все неизвестные. За полгода до этой ситуации к ним приезжал некий мужчина, с которым говорил в кабинете отец. Отец его фактически выгнал из дома и после этого рядом с детьми появилась охрана, а отец выкупил еще один загородный дом в самой глубине леса. Туда они должны были вскоре переехать, когда закончится ремонт.

За пару месяцев до пожара Эля и Юля заметили слежку за их машиной и сообщили об этом водителю. Тот мастерски ушел от преследователя, но с этого дня девочек сняли с занятий и учителя стали приходить к ним на дом. А в ночь, когда случился пожар, в гостях у родителей была тетя Жанна, которая очень странно смотрела на них с Юлианой. Дети ушли спать, а родители еще оставались в гостиной. Тетя Жанна, несмотря на позднее время, не осталась на ночь, хотя гостевые комнаты были свободны. Она уехала. А глубокой ночью произошло возгорание, и Элеонора готова была поклясться, что перед этим слышала шаги во дворе.

То, что родители не просыпались так же было странно для других, но очевидно для девочек: им явно подсыпали снотворное. Кто мог подумать, что две девочки могут разбудить родителей, владея приемами активации точек жизненной активности и выведут родителей из горящего дома, но ринутся в него обратно сами.

И потом, дом стоял глубоко в лесу, а Элеонора потеряла сознание, находясь в горящем доме. Мать точно выбежала на улицу, но отец вернулся за дочерьми. Тогда, если предположить, что отец выжил, то говорить Элеоноре о том, что мать погибла – было глупо. Мать не слушалась бы отца, а он ей точно не велел бы вернуться в дом да девочками. Все это говорило только об одном: пожар был подстроен и в нем должны были сгореть родители. Но это могло значить и другое: отца и мать могли убить, а могли держать где-то взаперти, чтобы при отказе девочек от сотрудничества, можно было надавить на них.

Глупо, конечно. Отец предусмотрел и этот вариант развития событий и на этот счет у девочек были четкие инструкции и указания. Ни одна из них ни при каких обстоятельствах не должна была действовать во вред людям и государству. Да, именно государству. Так говорил отец. Они и их семья стояли на страже страны, как и другие члены Ордена, которых Элеонора ни разу не видела в глаза.

Элеонора поймала себя на том, что ее пальцы непроизвольно впились в подлокотники кресла и сжались до ломоты в суставах. Усилием воли девушка расслабилась. Она находилась в чужом доме среди чужих людей, выдававших ее за ее близких, вравших ей. Ей! Той, которая видит и чувствует за версту! Ей, которая насквозь пронизывает своим невидящим взором пространство и время! Ей, которая хоть и не видела глазами, но не была слепой!

Отец в жизни бы не заставил дочь действовать против человека. Он в жизни бы не отправил ее во имя развития какого-то бизнеса и мелкой инфраструктуры. Нет! Отец готовил их для иного! А тут... Экзамен она сдать должна. Ха! Насмешили. Этот молодой человек не так прост, как вам кажется. И, да, он сделает так, как вам нужно и ровно в тот срок, в который нужно, но это только пока... Элеонора посадила в его голову куда более серьезную задачу, чем желали «заказчики». Теперь оставалось только ждать.

Элеонора улыбнулась, встала с кресла и перешла за письменный стол. Она начала писать отчет на языке брайля. Пусть помучаются с расшифровкой. Им же надо, не ей. Они даже не представляют насколько они ошибаются насчет Элеоноры и насколько опрометчивые шаги они делают. Однако, нельзя и их снимать со счетов. Они ведь знают все способности Элеоноры или догадываются о них. За пять лет они так же достаточно изучили ее, но они точно не знают главного: Эля поставила себе цель найти Юлиану и родителей любой ценой. И она достигнет этой цели.

– Альберт, тебе не кажется, что проект «Элеонора» выходит из-под контроля?

Инициатор вопроса стоял лицом к большому окну, ведущему в сад. Действо происходило посреди большого богато обставленного кабинета, некогда служившего библиотекой. Вдоль стен тянулись огромные стеллажи, заполненные книгами от пола и до самого потолка. Потолок был настолько высок, что вдоль стен шел небольшой балкон на уровне трех метров, на который вели две лестницы по разные стороны кабинета- библиотеки. Только так и можно было добраться до верхних полок книг.

Константин Германович Шереметьев – так звали хозяина кабинета и самого особняка – был мозгом многих операций и являлся едва ли не самой ключевой фигурой в проекте «Элеонора». За проектом велось высочайшее наблюдение изначально со стороны правительства (куда же без него!) и, разумеется, оппозиции – его непосредственного заказчика.

Шереметьев не был вхож в высочайшие круги изначально, как не был и человеком знатных кровей. Он был всего лишь однофамильцем знаменитой ветки Шереметьевых, но на этом сходство заканчивалось. Однако, сторонним людям это знать было вовсе не обязательно и Константин с малых лет принял для себя решение вести себя так, как будто бы он и есть прямой потомок рода Шереметьевых.

Это откладывало отпечаток на все – от круга общения до манер поведения. Друзей Константин выбирал с самого детства исключительно по статусу и должностям. Ему было не интересно с детьми простых работяг. Понимая, что образованность будет в ходу во все времена и с его фамилией это может быть козырем, Костя тяготился к нищей интеллигенции, которая давала знания, понимание принципов и основ искусства и других наук. Позднее, когда стало трудно с продовольствием и вся жизнь стала по талонам, Костя переметнулся в стан завмагов и был их ближайшим другом. Тогда у Кости стали появляться дефицитные вещи, в доме были продукты.

Но все это было сугубо по расчету. Друзей у Кости не было и, по его мнению, быть не могло. Даже со своими родителями Константин решил не церемониться. Едва стало понятно, что отец начинает беспросветно спиваться, утягивая за собой в обитель синего змия и мать, Константин, который в то время уже окончил университет по дипломатической линии, решил обоих родителей направить в пансионат, благо позволяли средства. Таким образом он убил сразу трех зайцев: освободил для себя богатую московскую квартиру в старинном доме в центре города, избавился от неудобных родителей, которых было стыдно показать, да не дай бог увидит кто, что его, Шереметьева, родители – алкаши. Ну и последнее – заработал статус заботливого сына, что было немаловажным для продвижения по карьерной лестнице.

Об Ордене и его приверженцах впервые Константин услышал около двадцати пяти лет назад. Тогда он был еще юным мальчиком и вслушивался в каждое слово своего престарелого наставника, который, по мнению Кости, все чаще бредил. К слову, тогдашние речи наставника о некоем мифическом Ордене Костя незамедлительно отнес к очередному бреду. Тоже мне, нашлись тамплиеры!

Однако, спустя восемь лет, когда жизнь в стране повернулась очень круто, а наставник уже отправился к праотцам, Костя столкнулся с этими слухами уже более серьезно. Тогда его вызвала оппозиция правительства его родной страны и огласила новую задачу: во что бы то ни стало найти хотя бы одного представителя этого Ордена. В противном случае все замыслы оппозиции будут бессмысленными, а его, Константина, тогда не для чего будет держать на службе с баснословным жалованьем и ждет его прескучная перспектива прозябать в каком-нибудь посольстве представителем Государства Российского. Косте перспектива сохнуть дипломатом, пусть и в забугорье, но с звучной фамилией Шереметьев, никак не улыбалась и он принял предложение.

Два года ушло на изучение хоть какой-то мало мальски доступной информации об этом таинственном Ордене. Константин мотался по всему свету, собирая крохи информации из разных источников. В расходах на поиски его никто не ограничивал и оппозиция щедро спонсировала молодого искателя во всех его поездках.

Спустя два года каким-то чудом Константину удалось выйти на след. Он нашел у одного из источников информацию о некоей семье, где готовят новое поколение членов данного Ордена. Ниточка, что была поймана, потянулась в Россию. Мытарства по миру закончились. Константин вернулся на родину, чтобы уехать в очередную экспедицию – захолустный городишко, всего 64 тысячи жителей в глубине России-матушки, где ему необходимо было найти тех самых представителей Ордена.

На поиски непосредственного члена Ордена и его вычисления среди шестидесяти тысячной толпы ушло еще полгода. Константин проявил упорство и стойкость, которые дали свои плоды: он вышел на семью Августа и Агаты Болкуновых с их юными дочерьми – Юлианой и Элеонорой.

Внутреннему торжеству и ликованию Константина не было предела! Он оправдал высокое доверие тех, кто его пригрел. И пусть эти действия могли нанести урон его родине, но... Да кому нужна она, эта родина? Это в старину она что-то значила, а сейчас куда престижнее быть вне ее пределов, пусть и со звучной фамилией Шереметьев, которой отсутствие высокого происхождения вовсе не убавляет шарма. Да в нынешнюю пору так ли важно твое происхождение, когда история сотни раз перекручена и переверчена и даже сами историки теряются в догадках где истина, а где ложь.

Так или иначе, Константин потратил еще несколько лет на то, чтобы подобраться к Болкуновым поближе и постарался втереться в доверие. То, что он увидел, немало его покорило. Семья Августа Болкунова была образцом доблести и чести. Это исконных дворяне, которые чтят память предков и сохраняли историю своей Родины. Да, это были истинные потомки дворянского рода, для которых все статусы были не просто звание, а ответственность перед (подумать страшно!) народом. Да, именно так – народом!

Болкуновы жили так, будто бы готовились к чему-то очень серьезному. Это потом Константин понял, что такая подготовка была обыденной для всех членов Ордена, но тогда он был шокирован степенью погружения и ответственности выполнения самых несусветных заданий этими девочками. Константин ушел весь в наблюдения и жадно впивался во все, что удавалось узнать, а знания были скудны. Всякий раз Август (или его дочери) вычислял прислугу, которую подсылал Константин. Однако, последний не обижался.

Наблюдая за семьей Болкунова, Костя пережил все гаммы эмоций. Вначале он смеялся над странной семьей, называл их чудиками. Потом он страшно завидовал этим девчонкам из-за того, что у них такой отец, который может так многому научить, объяснить. Его-то отец был простым работягой на заводе и мог научить только дубасить кувалдой да поднимать станок. Потом он дико злился, что не может стать другом для таких светлых людей. Последнее из эмоций, что испытал Константин – была ненависть к ним, таким чистеньким, незапятнанным, таким светлым, что аж становилось противно. И хотелось как можно скорее повернуть

все так, что это сияние и незапятнанность измажутся грязью и кровью под его, Константина, руководством.

Именно эта ненависть и заставила его совершить действие, которое многие за его спиной называли ошибкой. Он поторопил время и принял решение ускорить процесс изъятия детей- членов Ордена из их привычной среды. Именно им был инициирован пожар в доме Болкуновых. Это привело к неким последствиям. Девочки пострадали во время пожара, причем одна из них осталась без зрения. В первый момент Константин готов был выть и бросаться на стену от досады. Однако, прошло время и он понял, что подготовка Августа пошла девочкам на пользу: ослепшая Элеонора вовсе не вела себя как ослепшая и нисколько не ощущала себя ущербной. Напротив, девочка порывалась вести обычную жизнь, искала своих близких.

Но воссоединение семьи не входило в планы Константина. И пусть не все пошло не так, как ему хотелось, но каким-то чудом удалось сотворить из его, Константина, подчиненных отца для девочки – Альберта и вновь нареченного Августа. Элеонора долгое время сопротивлялась, но потом сдалась. Костя же ей не поверил. Слишком уж хорошо воспитывал Август своих дочерей, слишком многому их обучил, чтобы на такой глупости девочка попала. С этого момента он начал максимально пристальное наблюдение за Элеонорой. Теперь-то возможностей у него было без ограничения.

И вот сейчас он стоял в своем огромном особняке и ждал, когда Альберт доложит ему о первом задании Элеоноры, исход которого он и так знал.

Не дожидаясь ответа, он обернулся к стоящему посреди просторного кабинета статному седовласому мужчине в дорогом строгом костюме. Теперь Константина можно было хорошо рассмотреть. Это был высокий мужчина с гладко уложенными волосами цвета воронова крыла с небольшой проседью. Он так же был одет в строгий костюм, но на манер английских лордов. Константин пристально смотрел на ответчика своим гипнотическим взглядом.

– Отчего же, Константин Германович, – возразил ответчик, которого назвали Альбертом, – вовсе нет. Девчонка стала вести себя очень даже покладисто, без норова. Она выполняет все задания. Зовет меня «папа», – в этом месте Альберт усмехнулся.

– И что с того? – хмыкнул Константин Германович. – Это не доказывает факт ее смирения. Я уверен, что она что-то подозревает. Давно подозревает и ведет двойную игру. С чего это она внезапно стала такой откровенной с Артемом Никольским? Таких указаний не было.

– Но, Константин Германович, вы же знаете, что Никольский относится к такому типу личности...

– Знаю, знаю, – отмахнулся Константин, – тонко чувствующих игру. Знаю. Слышал. Меня другое тревожит: я ей не верю. Пусть сейчас все идет по графику, но..., – Константин покачал головой, – О любом подозрительном действии со стороны Элеоноры сразу докладывать мне.

– Но пока что все ее прогнозы совпадают. Даже о смене имени: Никольский ведь так и сделал – сменил имя с Артема на Александра. Не уехал из города, выслал заместника в Москву... Все как по нотам.

– Знаю я эти ноты, – буркнул себе под нос Константин.

– Что вы сказали? – не понял Альберт.

– Свободен! – громко ответил Константин. – Иди. И смотри за ней в оба.

Едва за Альбертом закрылась дверь, Константин Шереметьев опустил в свое глубокое кресло и задумчиво потер подбородок. Нет, он решительно не доверял этой девчонке и с этим надо было что-то делать. Но вот что? Ответа на этот вопрос у Шереметьева пока не было.

Александр шел по заснеженной набережной своего небольшого и очень уютного родного городка. Стоял декабрь и город готовился к встрече нового года. Всюду сияли огнями гирлянды, в витринах сверкали нарядные елки, а горожане сновали по сувенирным лавкам в поис-

ках предновогодних подарков. В воздухе стояло ощущение праздника, подкрепленное знакомым с детства ароматом спелых мандаринов.

На набережной было немногочленно, хотя зимний вечер располагал к прогулке. С неба, кружась, падал крупными хлопьями снег, создавая в свете желтых фонарей ощущение сказки. Было не скользко и не сильно морозно, что позволяло прогуливаться неспешно и вальяжно, погружившись в свои мысли. Этим и воспользовался Александр, неспешно бредя по набережной вдоль реки, буквально недавно скованной ледяным покровом.

С некоторых пор он стал в несколько раз чаще бывать на набережной и каждый раз проделывал один и тот же путь от начала набережной и до центральной площади, что упиралась аллеей в набережную. При этом его сердце всякий раз, подходя к площади, сладко замирало в предвкушении, но практически сразу оно сильно сжималось, не обнаружив того, на что он надеялся. Ритуал продолжался тем, что он садился на одну и ту же скамью и непременно смотрел по сторонам, будто бы ожидал кого-то.

Прошло уже полтора месяца с того момента, как его жизнь начала серьезно меняться. И началось все с той случайной встречи с незрячей девушкой. Казалось, это стало ключевой точкой отсчета для всех изменений.

Первое, что сделал молодой человек – это сменил имя. Артем стал Александром. И думается – какая мелочь – но это стало одним из серьезнейших изменений его, новоиспеченного Александра, внутренних ощущений. Это было очень важно для него.

Новое имя будто бы меняло всю его суть, структуру, прибавляло сил. Александр словно вырос, причем в том числе и визуально. Изменилась его осанка, расправились плечи, стало легче дышать.

Менялось его восприятие окружающих. Былая нерешительность словно растворилась, скрылась из виду вместе с желанием прогнуться под других. Александр вдруг четко осознал, что его личные ощущения очень важны для него и что крайне важно: нашлись те, кто их разделяет. Александр начал участвовать в жизни города наравне с теми, кому так же был дорог этот кусочек малой родины.

Он расширил производство и открыл еще один производственный и складской корпус в Москве. Невероятно быстро нашел управляющего для Московского производства и принялся развивать основное в родном городе. Московское производство должно было работать только на экспорт, а производство в родном городе должно было обеспечивать Российский рынок. Так было удобно и ему и зарубежным партнерам.

С Марией он расстался, так как понял, что без любви ему отношения совсем не нужны, а любви в них не было ни с его стороны, ни со стороны Маши. Маша сначала фыркнула, мол, перебесишься и вернешься, но, когда Александр уехал один открывать московский филиал и встречаться с иностранцами один, она вдруг поняла, что птица счастья ускользает из рук и начала атаку.

Вначале она измучила его звонками и смс с сообщениями о том, как ей без него плохо. Сперва Саша читал каждое, пытался разговаривать (в нем доживал свое тогдашний Артем), но потом стал решительным и даже резким. Игнорировал сообщения и звонки, чем спровоцировал появление Маши на пороге собственной квартиры. Маша ворвалась, отпихнув в сторону Сашу и, не раздеваясь, промчалась по всем комнатам, истерично крича и ища какую-то несуществующую девушку. А когда не нашла, применила тактику соблазнения.

Александр отреагировал резко: выставил девицу за порог и закрыл дверь перед ее носом. Маша еще минут десять барабанила по двери и истошно кричала до тех пор, пока не начали высовываться из-за дверей соседи, угрожая вызвать полицию. Маша по началу огрызалась, когда же ей пригрозил полицией сам Александр, сдалась и ушла.

А дальше было совсем легко. Что-то будто начало разворачиваться в пространстве, раскрывая перед Александром новые высоты и возможности. И все было бы хорошо, если бы

не одна вещь, которая навевала легкую грусть на сердце Саши: с того момента, как он впервые увидел Элю, он больше так и не встретил ее.

Он приходил и часами сидел на той самой скамье, кружил на автомобиле по городу, вглядываясь в лица прохожих. Он поднял все связи, чтобы найти Элеонору по прописке, но в городе значилось всего 3 Элеоноры. Одной из них был 71 год, вторая была чуть младше его собственной матери, а третьей едва исполнилось восемь. Однако, Александр не сдавался. Он очень хорошо помнил рассказ Элеоноры о ее семье и надеялся поднять информацию благодаря этому событийному ряду, но пока что это не представлялось возможным.

Каждый раз, когда он делал запрос в архив, тот то терялся, то уходил на больничный кто-то из служащих, то случался какой-то странный санитарный день.

Александр пробовал все способы, но все тщетно. Элю было не найти. Как будто бы кто-то поставил между ними незримую стену. При этом Александр точно знал, что девушка здесь, в городе. Или, по крайней мере, недалеко от него. Он стискивал кулаки от внутренней досады, но не отступал. Какой-то внутренний зов говорил ему о том, что он должен что-то сделать для этой девушки, как-то себя проявить.

При этом Саша пытался понять свои чувства к Элеоноре и никак не мог их распознать. Любовь ли это или нечто иное? Для любви ему казалось, что было слишком мало времени, чтобы такое сильное чувство могло зародиться в его сердце. С другой стороны, все поэты пишут о любви с первого взгляда – так как понять, что вымысел, а что истина?

Так проходили день за днем. При этом действия Александра никак не походили на метания. Скорее это были точные и расчетливые шаги, которые почему-то сейчас не приносили результата. «Возможно, – думал Саша, – еще не время». Ему казалось, что он очень близко к разгадке и надо всего лишь найти нужного человека в нужном учреждении, чтобы разгадать эту загадку.

С такими мыслями Александр гулял по сказочного вида набережной своего родного города и исподволь любовался красотой кружащегося в воздухе снега. Он вновь вышел к той самой скамейке. Она была пуста. В очередной раз. Саша вздохнул и уже повернулся, чтобы идти обратно, как его поток мыслей перебил телефонный звонок.

– Алло?

– О, Тём, привет! – послышалось в трубке приветствие старого друга и Саша поморщился от своего старого имени, но не успел поправить собеседника, как тот продолжил: – Ты помнишь, как просил меня найти некую Элеонору, у которой погибла сестра при пожаре и кажется ее звали Юлиана?

– Да, конечно! – восторженно воскликнул Саша. – Есть новости?

– Да, есть, – ответил собеседник. – Кажется, я нашел эту семью, вернее, архивную запись.

Приезжай завтра ко мне в офис. Я проведу тебя и сам увидишь.

– Колька, ты... – Саша даже не наделся сразу, – ты настоящий друг! Я хоть сейчас приеду!

– Экий ты скорый, – рассмеялись на том конце провода, – сейчас архив закрыт.

Давай завтра.

– Я с самого утра приеду! – заверил Николая Александр.

– Принято! Жду! – и Николай повесил трубку.

Сердце Саши отчаянно билось. Неужели хоть что-то удалось узнать? Неужели он напал на след этой загадочной семьи? Как до завтра-то теперь дожить?!

И Александр заспешил к оставленному в переулке автомобилю. Лицо его сияло улыбкой.

Константин Шереметьев в сотый раз пробежал глазами дешифровку отчета и смотрел на его оригинал, написанный языком брайля. Он был готов поклясться, что девчонка видела. Ну не могла слепая одинаково печатать и на машинке брайля и на не адаптированном компью-

тере! Просто не могла! Любой незрячий, обученный языку Брайля, всегда допускает ошибки с регистрами и пунктуацией, а Элеонора не допускала.

Да, она изучала язык, будучи зрячей и вполне могла помнить об особенностях ввода, но даже при всем этом у Константина было стойкое ощущение, что девушка водит их всех за нос.

Константин отодвинул от себя безупречный отчет и задумался. Он много раз анализировал информацию, полученную от врача о том, что у Элеоноры поврежден зрительный нерв и что глазами она не видит. Однако, чем дольше он наблюдал за девушкой, тем больше поражался ее точности движений, ее возможностям. А картины?! Она же рисовала сама! Правда рисовала! Допустим, прежде чем начать работать, Эля проходила каждый сантиметр той территории, которую собиралась писать, но ведь она часто писала на набережной и там по реке летом не пройдешься. И тем не менее, ее изображения обладали поразительной точностью. Как это объяснить, если не наличием зрения?

Шереметьев уже изучил все вдоль и поперек о возможностях человеческого мозга. Он ездил по различным институтам мозга и самым невероятным конференциям. Встречался с различными светилами и показывал им работы Элеоноры очень аккуратно. Всякий раз его ожидал один и тот же ответ: слепая так рисовать не могла, а если рисовала слепая, значит ее мозг нашел возможность проецировать картинку напрямую, минуя глаза, как инструмент. Речь шла о так называемом прямом видении, о котором многие говорили, но никто не мог дать внятного ответа о его механизмах и основах.

Вот и получалось, что на руках Константина была вовсе не беспомощная барышня, а вполне себе дееспособная девушка, владеющая бог весть какими еще способностями и талантами. Шереметьев был уверен, что девчонка разгадала суть игры изначально и просто выжидает время. А также он был уверен, что девушка в виду своих особенностей давно уже ведет активную работу по собственному вызволению и поиску своей семьи. В этом Шереметьев был уверен, как никогда. Именно это его толкало на то, чтобы с завидной регулярностью менять прислугу вокруг Элеоноры и общаться с ней только через посредника. Ему очень не хотелось, чтобы Элеонора вложила в его мозг какую-нибудь идею, которая впоследствии станет для него фатальной.

Идея. Да, это очень мощное оружие, способное погубить очень многие планы, даже самые тщательные и продуманные. В связи с этим он внимательно наблюдал за Альбертом, сменить которого он не мог. Константин следил за этим подчиненным и гадал: вложила ли Эля уже ему в голову некую задачу или оставила без вмешательства? На взгляд Шереметьева было очень странным так долго не прикасаться к мозгу самого близкого информатора, который только есть. С другой стороны, будь он на месте Эли, он поступил бы так же, чтобы не пороть горячку и запутать наблюдение.

Что с того, что лже-Августу вселить хоть какую мысль? Да, он ей расскажет о том, что он не настоящий и что дальше? Выведет ее на него, Константина? Допустим. Ну приедет она к нему и что? Они и так виделись раньше. Что дальше-то?

А ничего дальше за этим не следовало, потому как Константин серьезно перестраховался. Он не владел информацией о местонахождении и здравии всей остальной семьи Эли. Намеренно не интересовался этим, так как знал, что это может поставить под угрозу всю операцию, которую он сам же и спланировал.

Перед тем, как спалить дом Болкуновых, Шереметьев сообщил оппозиции план, согласно которого должно быть сделано следующее: в ночь, когда все произойдет, оппозиция присылает несколько совершенно незнакомых друг другу групп, которые между собой распределяют всех выживших. Кто именно будет руководить операцией в оппозиции Константин знать не должен, дабы потом не подвергнуть риску остальные шансы на победу.

Оппозиции план понравился и они выполнили все в точности. Костя не видел даже лиц тех, кто увез всех остальных членов семьи Болкуновых. Он даже понятия не имел выжила ли вторая девочка – Юлиана и ее отец, потому что, когда рухнул потолок, сразу успели вытащить только бесчувственную Элю. Как только это произошло, Константин немедленно уехал, сопровождая Элеонору и свою группу. Чем закончилось дело – он не знал. А интересоваться значило нарушить собственный план, согласно которого Константин Германович Шереметьев был обязан действовать так, будто бы остался всего один представитель того мистического Ордена, и что только на него вся надежда.

Константин откинулся в кресле и вздохнул.

Надежда. Было бы на что надеяться. Когда Костя ввязывался в этот проект, он слабо представлял сложность операции и уровень подготовки членов Ордена. Сейчас же ему казалось, что эта юная хрупкая девушка владеет ситуацией гораздо лучше, чем он, Константин Шереметьев.

Взять хотя бы этот самый отчет о последнем испытании или экзамене, как было преподнесено это Элеоноре. Девушка выполнила все задачи безупречно, включая даже тот ничемный факт смены имени, что было тоже очень интересно: имя-то молодому человеку выбрала сама Элеонора. Заранее. Всего лишь услышав описание объекта по психологическому портрету. Но для чего? И почему она выбрала именно это имя? Что она хотела этим сделать или доказать? Крылось ли за этим именем нечто большее, чем просто имя?

Константин слышал, что члены Ордена владеют некой системой простых шифров, в которой обычная фраза и даже просто имя, может восприниматься как сложносочиненный код с указанием к действию. И факт работы данного программирования Шереметьев увидел воочию, когда нехитрыми фразами девушка достигла в нужное время нужных результатов (об этом свидетельствовал отчет с указанием дат и действий объекта, написанный Элеонорой еще до момента их свершения).

Так почему же девушка выбрала это имя сама? Любые доводы, что имя должно быть другое, Эля воспринимала с искренним удивлением: «Папа, как же? Ведь мы служим во благо, я не могу выбрать для человека имя, которое ему принесет вред!».

И пришлось отступить! Бред полный. И Константин, и Элеонора знали карты друг друга, знали о том, что они играют (тут уверенность Константина зашкаливала) и он, Константин, был вынужден спасовать, подыграть девчонке, мол, да, милая, мы действуем только во благо! Тьфу!

При этих мыслях Косте хотелось поскорее стереть с лица этой светловолосой ангелоподобной девчонки ее обезоруживающую улыбку. Хотелось в лицо сказать, что, если она не подчинится, то у него есть рычаг воздействия на нее в лице ее родителей. Что она тогда будет делать?!

Но что-то в глубине души говорило Константину о том, что и на этот счет у этой с виду хрупкой девушки есть алгоритм действий. Впервые за всю историю своей работы ему казалось, что он встретил более серьезного противника в виде какой-то полуслепой девчонки. «Поистине, фанатики (а родителей Эли и ее саму он причислял именно к фанатично настроенным людям) опасные люди» – подумалось Константину.

В этот момент в дверь кабинета постучали.

– Войдите! – крикнул Константин и обратил свой взор к двери, которая незамедлительно открылась и на пороге появился один из подчиненных, приставленный к новоиспеченному Александру.

– Можно, Константин Германович? – спросил молодой мужчина лет тридцати.

– Входи, Никита, – кивнул Константин. – Есть новости?

Молодой человек, которого называли Никитой, вошел в кабинет. Он был одет в черное драповое пальто, на котором блестели мелкие капельки растаявшего снега. В руках он дер-

жал кожаную черную папку. Вопрос Шереметьева заставил его немного замяться, но Никита быстро собрался с мыслями и отвечал:

– Да, но не те, каких бы нам хотелось.

– Что ты имеешь в виду? – подался вперед Шереметьев.

– Артем, ныне Александр Никольский, за которым я веду наблюдение, вышел на след семьи Болкуновых. Его друг, Николай Свиридов, нашел наш подложный документ о смерти семьи Болкуновых.

– Подожди-подожди, – нахмурился Константин, – тот самый, что мы состряпали после пожара, дабы никто никого более не искал?

– Да, Константин Германович, его.

– Но ведь в нем значится, что погибла вся семья...

– Да, все верно, Константин Германович, – подтвердил Никита.

– А парень своими глазами видел Элеонору живой и невредимой...

– Именно так, – вновь кивнул подчиненный.

– И про живого отца она ему говорила...

– Так точно, – согласился вновь молодой мужчина.

– Это что же получается? – задумчиво произнес Шереметьев, внутренне ощущая, как сам же угодил в свою же ловушку, – Александр сейчас увидит этот документ, согласно которого в живых Элеоноры нет и заподозрит неладное. После этого он точно не успокоится и с его-то связями мы в ближайшее время огребем пристальное внимание к этой ситуации, а то и чем черт не шутит – расследование дела. Так?

Взгляд Шереметьева уперся в лицо Никите, но тот сдюжил этот пристальный взор и кивнул:

– Все верно, Константин Германович.

– Мы можем подменить документ?

– Боюсь, что нет, – отрицательно покачал головой Никита. – Свиридов снял с него копию и оригинал сейчас у него в сейфе в здании ФСБ. Завтра они встречаются с Никольским. Он уже заказал ему пропуск на утро.

– ФСБ? – переспросил Шереметьев.

– Так точно, – подтвердил мужчина. – Николай Свиридов сотрудник федеральной службы безопасности и сделал запрос по своим каналам, чтобы получить документ.

– Что-то мы как-то поверхностно проверяли этого Никольского и его связи, – буркнул себе под нос Шереметьев, но Никита услышал и ответил:

– Николай Свиридов и Артем Никольский не общались больше пяти лет в виду того, что Свиридов по долгу службы находился за пределами региона. Порядка недели назад он вернулся в город и позвонил Никольскому. Тогда и состоялся их разговор, во время которого Никольский озвучил Свиридову свою просьбу найти Элеонору.

Шереметьев задумался. Ситуация вырисовывалась не из лучших. Он прекрасно помнил, как самолично инициировал подлог документа о смерти всей семьи Болкуновых, включая Элеонору, дабы больше никто не порывался найти девушку, даже если бы захотел. Документ был призван остановить желающего своей безысходностью. Элеоноре были сделаны совершенно другие документы с другой фамилией и историей. Слепой-то не все ли равно какая фамилия в паспорте? А если будет задавать вопросы, то «отец» легко мог выдать заранее выдуманную историю о великой миссии членов Ордена и важности инкогнито. Но кто бы мог подумать о том, что так все обернется?

Шереметьев вздохнул. В сложившейся ситуации было сложно бездействовать, но и действовать было опасно. По уму было бы выкрасть старый документ и заменить на новый, но... Даже если сделать документ за одну ночь – суть дела не изменится. Свиридов явно ознакомился с документом, он легко заметит подлог – тут и экспертизы не нужно.

Проблема была даже не в том, чтобы проникнуть в здание, а в том, что возникало слишком много всплесков вокруг документа, делая его значимым, приметным. А это было недопустимо. Нельзя было привлекать внимание к факту гибели семьи. Никак нельзя.

Этак еще до эксгумации дело дойдет, а там... Шереметьев поморщился.

Впрочем, с такой подачей дело так и так могло дойти до эксгумации. А значит, нужно начинать действовать на опережение. Нужно контролировать каждый шаг Никольского и Свиридова. Нужны люди в ФСБ, нужны люди в экспертизе, если дело дойдет до нее. Ах, как это все было некстати!

Шереметьев поднял глаза и увидел, что Никита, про которого он забыл, все еще стоит перед его столом, внимательно глядя на него.

– В каком отделе работает Свиридов? – осведомился Константин.

– В отделе информационной безопасности, – отчеканил Никита. Шереметьев внутренне подобрался. Этого еще не хватало.

– Хорошо, – кивнул он Никите, – продолжайте наблюдение. О любых новостях, даже мизерных, сразу докладывать мне. Я хочу знать о каждом шаге Никольского. Свободен!

– Слушаюсь! – отчеканил Никита и быстро покинул кабинет.

Шереметьев же остался в мрачных размышлениях. Что предпримет Никольский? Чем грозит его дружба со Свиридовым? Ответов пока не было.

Александр смотрел на документ и его мозг отказывался понимать хоть что-либо.

Он снова и снова перечитывал заключение о смерти всей семьи Болкуновых. Всей! ВСЕЙ!!! Но как это было возможно?

Он оторвал взгляд от документа и посмотрел на Николая:

– Коля, это откуда у тебя?

Николай, сидевший на краю стола и внимательно смотревший на озадаченного Артема-Александра невозмутимо ответил:

– Из архива. А что не так?

– Тут говорится о том, что погибла вся семья, но я своими глазами видел эту девушку! – едва не кричал Саша. – Она мне рассказала все в точности! И про Юлиану, и про себя. Имена совпадают, год совпадает! Но не могла же слепая придумать это все?! Для чего?

Николай подошел к Саше и забрал у него документ. Ситуация складывалась очень любопытная. С одной стороны, документ был подлинный и это было видно невооруженным глазом. С другой стороны, напротив него сейчас стоял его давний друг, который утверждал, что видел девушку живой. Довольно-таки странное противоречие.

Николай внезапно ощутил легкое дуновение ветерка обмана с наветом преступления. Разумеется, никакого ветра в кабинете не было. Просто так Свиридов всегда ощущал предвестники грядущего расследования.

– А вот это Тем... Саня, хороший вопрос, – задумчиво проговорил он. – Кстати, зачем ты сменил имя?

– Эля сказала, что мне больше подойдет имя Александр...

Николай пристально посмотрел на Сашу, чуть нахмурившись. Сколько он помнил давнего друга, тот никогда не был подвержен никаким манипуляциям. Артем всегда точно знал, чего хочет и поколебать его мнение можно было только если человек, который это делает, ему безгранично дорог. Сейчас же речь шла о девушке, которую он видел не больше часа, но которая за этот малый период умудрилась способствовать смене имени Артема, который ни разу не говорил о том, что оно ему как-то не подходит или не нравится.

– Слушай, это уже больше похоже на гипноз или НЛП. Тебя как будто запрограммировали. Ты точно в порядке?

– Колька, это мое личное решение! – с жаром выпалил Саша. – Она мне не говорила о смене имени. Даже намеком! Это я придумал! Сам!

– Ну-ну, – покивал Николай, отходя от Саши и садясь за стол. Он показал жестом на стул, приглашая друга присесть.

– Значит, ты утверждаешь, что видел девушку своими глазами? – спросил Свиридов, глядя на Сашу.

– Да! Она рисовала на набережной, когда я пришел, – уверенно ответил Никольский.

– Угу, – кивнул Свиридов, все так же пристально на Сашу. – Слепая. Рисовала. Угу.

– Ну да, – подтвердил Саша. – Я тоже очень удивился этому! И движения у нее были очень точными. Она мне сказала, что видит, но не так, как все люди, что у нее раньше было зрение, но оно пропало из-за травмы во время пожара. Но благодаря тому, что отец учил их с сестрой жить без помощи глаз, ей было легко без зрения. Сравнительно легко...

Николай, внимательно слушавший Никольского, подпер голову левой рукой и вздохнул. Чем больше он слушал сбивчивую речь друга, тем меньше ему нравилась вся эта история.

В тот момент, когда Артем, ныне Саша, попросил его об услуге найти сведения о некоей Элеоноре и ее семье, Николай не услышал подробностей от друга, кроме того, что тот познакомился с девушкой на набережной. Коля воспринял просьбу как обычное желание разыскать понравившуюся девушку, а с учетом того, что Артем-Саша ранее его неоднократно выручал, а сам ни разу ни о чем не просил, решил помочь. Сейчас же вся эта история уже не звучала так безобидно и прозрачно.

– Угу. Что еще ты знаешь об этой семье?

– Только то, что она рассказывала, – ответил Александр. – Эля говорила, что они потомки дворян и отец воспитывал их иначе, не так как другие родители своих детей. Там и правда было все очень странно. Он учил их слышать с заткнутыми ушами, жить без помощи глаз, говорить на языке жестов. Он учил их видеть причинно-следственные связи и предпосылки ситуаций...

Саша растеряно посмотрел на Николая:

– Ты мне не веришь?

Николай потер подбородок и отнял руку от лица. Он не знал чему верить, а чему нет. Из фактов были только документы, что лежали на столе перед ним, да Саша, с пеной у рта доказывавший факт жизни погибшей Элеоноры. Секунд тридцать он испытующе смотрел на Никольского, прежде чем заговорить:

– Саш, я знаю тебя уйму лет. Мы прошли огни, воды и медные трубы. Ты всегда был адекватным и здравомыслящим человеком, но сейчас у меня стойкое ощущение, что ты бредишь. Если верить твоим словам, то отец готовил спецagentов из своих дочерей. Ты сам-то веришь в то, что ты говоришь?

– Коль, – присевший, было, на стул Саша, вновь соскочил с места, – да я богом клянусь: это все я услышал от нее! Я видел ее так, как тебя, я был трезв и она никакого воздействия на меня не оказывала! Да и как слепая что окажет?!

– Тише, тише, не кипятись, – Свиридов вновь показал рукой на стул. – Садись.

Николай дождался, когда Никольский вновь вернется на место и продолжил:

– Повторю: я знаю тебя давно и с самой положительной стороны. Но, согласишься, то, что ты сейчас говоришь, звучит по меньшей мере странно. Особенно, если принять во внимание сей документ, – Николай кивком указал на лежащее перед ним свидетельство о смерти и заключения патологоанатомической экспертизы. – Сам понимать должен, что в моей структуре в мистику и чудеса верить отучают, поэтому надо разбираться.

Саша согласно кивнул на слова Николая, а Свиридов вздохнул и продолжил:

– Давай-ка ты мне расскажешь все заново, с начала. В деталях и подробностях. А я все запишу на диктофон. Уж больно витиевато все.

Саша вновь кивнул, а Свиридов достал из ящика стола черный миниатюрный диктофон, ткнул кнопку и кивнул Саше:

– Рассказывай!

Она сидела у окна и смотрела на уже опостылевшую водную гладь Эгейского моря. Солнце стояло в зените и ярко подсвечивало изумрудную глубину вод. Волны то и дело набегали на золотистый песчаный берег острова, а в период отлива берег щедро одаривался морскими ракушками. В высоких пальмах легонько шумел налетающий с моря соленый бриз. Казалось, что нет большего рая на земле, чем этот.

Однако, созерцающую данную картину светловолосую девушку это все не радовало. Она жила на этом острове уже больше полугода и знала каждый уголок этой крохотной суши, на которой умещалось всего одно строение – непосредственно вилла, на которой жила она и еще ряд людей. Девушка понятия не имела кому принадлежит остров, который стал для нее тюрьмой на эти полгода. В прочем, она так же не знала и о собственниках всех тех активов, свидетельницей которых ей довелось быть за все эти пять лет. Она лишь могла предполагать, но точных сведений у нее не было.

Девушка встала и прошлась по комнате. Это была высокая и стройная светло-русая девушка с ярко голубыми глазами и правильными аристократичными чертами. Однако для такой статной девушки было странно без эмоциональное выражение лица и полное отсутствие мимики. Тем не менее, это состояние было привычно для девушки. Ее звали Юлиана.

На первый взгляд делать ей было решительно нечего, но если разобраться, то каждый день этой юной леди был заполнен различными тренировками и работой над собой, в частности над концентрацией, саморегуляцией и выдержкой. Она не терпела праздного времяпрепровождения и каждую минуту тратила на работу над собой. Каждое ее действие имело смысл, каждая ее фраза была на вес золота.

Юлиана подошла к шкафу, достала купальник и начала переодеваться. После утренних занятий аутотренингом пришла пора активных упражнений. Сегодня у нее в планах было плавание. Девушка быстро переделась и пошла к бассейну, что был во дворе виллы. Бассейн был длиной пятьдесят метров. Причем это не было его первоначальным размером. Бассейн был перестроен специально для девушки и для того, чтобы она могла тренироваться. Таковым было ее требование. При этом Юлиана не была профессиональной спортсменкой.

Когда она вышла во внутренний двор, яркое солнце еще больше высветлило и без того светлые волосы, сделав девушку яркой блондинкой. Юлиана привычным движением скрутила волосы и убрала их под шапочку для купания.

Во дворе не было ни души. Это было привычно. Девушка привыкла к тому, что ее взгляда мало кто выдерживал и потому прислуга лишней раз старалась не попадаться на глаза. Сбросив с себя легкий купальный халат и сняв сланцы, Юлиана легко и без всплеска нырнула в бассейн и уверенными и точными гребками поплыла к противоположной стороне. Доплыв до края бассейна, она резко развернулась и поплыла обратно уже другим стилем. Быстро добравшись до бортика, девушка вновь развернулась и поплыла в обратном направлении, сменив стиль. Так продолжалось долго.

Обычно Юлиана плавала без перерыва больше часа в таком бешеном темпе. Но в этот раз не удалось завершить тренировку: во время очередного поворота девушка услышала, а затем и увидела заходящий на посадку вертолет. Глаза ее на мгновение сощурились, но тут же лицо Юлианы приняло невозмутимый вид. Ловко поднявшись по ступенькам из бассейна, быстро подхватив халат, девушка заспешила к себе в комнату, чтобы переодеться. Кажется, что период ее заточения на острове подходил к концу.

Прошло уже пять лет с той злосчастной ночи, когда случился пожар в доме Болкуновых, однако, Юлиана очень хорошо помнила эту ночь, как будто это случилось только вчера. Она ни секунды не сомневалась в том, что их дом подожгли, а также она была уверена в том, что в этом замешана их тетя Жанна и ее догадки подтвердились гораздо позднее, но тогда... Тогда ей, Юлиане, было важно спасти сестру, родителей и ту самую британскую кошку, которая каждую ночь пела ей песни, забираясь на кровать. Эта кошка была очень дорога Юлиане так как ей ее подарил любимый дедушка незадолго до смерти.

Юлиана прекрасно осознавала, насколько опасно было возвращаться в здание, окутанное пламенем и дымом, но бросить кошку для нее было сродни предательства. И, едва поняв, что Кати (такова была кличка кошки) осталась в одной из комнат дома, Юли бросилась обратно. Увы, она даже подумать не могла, что за ней кинется Эля. Вместе они обыскали весь первый этаж. Эля нашла кошку в одной из комнат как раз тогда, когда девочки слышали крики отца. Ничего не было видно, но девочкам и не нужно было зрение, чтобы ориентироваться в доме. Потолок уже был местами объят пламенем и нужно было срочно выбираться.

Они почти вышли, когда Юлиана услышала посторонний шум и быстро сообразила, что это треск перекрытий. Оттолкнув Элеонору, она отпрыгнула в сторону и... оказалась отрезана пламенем. Она слышала отчаянные крики их невозмутимого отца, но стена пламени отрезала ее от близких. Юлиана быстро оценила ситуацию и поняла, что, если она подаст голос, отец просто кинется в пламя и сгорит. Поэтому девочка решила молча искать выход. Самообладания и выдержки ей было не занимать.

Она вспомнила, что в их доме был погреб с выходом на улицу. Нужно было только добраться до кухни, что было проблематично: дым давал о себе знать и какой бы подготовленной Юли ни была, она начинала терять сознание от удушья. Собрав последние силы в кулак и преодолевая боль раздираемых кашлем легких, девочка добралась до кухни, откинула ковер и попыталась открыть тяжелую крышку люка. Та не поддавалась. Сознание плыло, перед глазами растекались разноцветные круги, мешая видеть реальность. Юлиана стремительно слабела и только продавливание точек позволяло ей удерживать свое сознание.

Становилось нестерпимо жарко: огонь добрался и до кухни, хотя она была самой удаленной частью в доме. Очередным отчаянным рывком Юлиана сорвала-таки крышку люка. Та с грохотом слетела вниз по лестнице, а следом за крышкой, потеряв равновесие, упала и Юлиана.

Она не переломала себе руки и ноги и не свернула шею только благодаря навыку группирования во время падения. Это сейчас очень помогло ей. С трудом поднявшись на ноги, девочка бросилась к месту, где была дверь на улицу. Она знала, что дверь заперта и теперь нужно было найти ключ, что лежал в нише. Практически безошибочным движением Юли схватила длинный ключ, но тут ее скрутил приступ кашля. Девочка упала на колени, не удержав равновесия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.